

3-й ЮН
Газета № 1960

Концерты Караяна

КОНЦЕРТЫ выдающегося дирижера современности Герберта фон Караяна, который на этот раз приехал в Советский Союз с руководимым им симфоническим филармоническим оркестром (Западный Берлин), принадлежат к тем событиям, что расширяют представления о выразительных возможностях музыки, средствах ее эмоционального воздействия.

Редкая органичность, монолитность драматургической концепции не дает дирижеру пройти мимо любой мельчайшей детали, ни одна из них не оказывается выпавшей из его «поля зрения». Титаническая воля, непререкаемая убежденность определяют поистине магическое воздействие на слушателей интерпретации Караяна — музыканта, словно стоящего за пультом управления безграничной стихией звука, не только обладающего даром глубокого постижения авторского замысла, но и с удивительной «немногогословностью» умеющего передать оркестру и аудитории каждый творческий импульс.

«Монографичность» во многом способствовала цельности впечатления от первого концерта Караяна: программа его целиком посвящена

была творчеству Бетховена. После отмеченной мужественным трагизмом увертюры «Кориолан» необычайно контрастно и светло прозвучала шестая «Пасторальная» симфония. Передача этого программного сочинения Бетховена лишена была внешней описательности: в соответствии с бетховенским замыслом целью дирижера было не изображение природы, а выражение чувств, наполняющих человека при общении с ней. За «Пасторальной» — вновь резкий эмоциональный контраст: Симфония до минор. Хотя, признаемся, мы привыкли к большему акцентированию гуманистических тенденций в трактовке этого гениального произведения (в частности, не как торжественный гимн свободе, а скорее, как неумолимый приговор судьбы, звучали каждый раз фанфары в его второй части), исполнение Пятой симфонии отличали скульптурная выпуклость, чеканная законченность.

Из общих закономерностей интерпретации Караяном Бетховена отметим сочетание столь характерной для композитора контрастности с постепенными динамическими нагнетаниями или, напротив, непрерывным истончением, «звуковой мате-

наши гости

рин». Прекрасно выявлена была и столь характерная для Бетховена нюансировка (на значение которой, кстати, обращал внимание один из предшественников Караяна — Ганс фон Бюлов): смена crescendo внезапными piano. Примечательна и мудрая экономия средств выразительности для последующего использования их во всем богатстве и силе воздействия в грандиозных бетховенских кодах, звучавших поистине кульминационно.

Совсем иной была «композиция» второго концерта: непосредственно сопоставлены были исторические эпохи XVIII и XX столетий. После пластичного, непринужденного, камерного музицирования в Бранденбургском концерте Баха (сам Караян исполнял партию чембало), отмеченного подчеркнутой «объективностью», стильностью трактовки, скромностью и строгостью в выявлении чувств, зал захватила, заполонила полная грандиозного размаха, трагической боли за пережившее величайшие мировые катастрофы человечество и восте веры в него музыка десяткой симфонии Шостаковича.

Интерпретация этого произведе-

ния стала поистине кульминационным пунктом выступлений оркестра. От первой до последней ноты оно слушалось с неослабевающим напряжением; застав дыхание, внимала аудитория «вздохам» струнных, зовам валторны, монологам деревянных духовых (чудесным было искусство артикуляции!). Гигантская архитектурность и глубочайшая выразительность сочинения переданы были с изумительным совершенством: ни малейших длинот в одном из самых протяженных «музыкальных полотен», ни малейшей «натяжки» при переходе от сосредоточенно-трагических размышлений к словно бы компенсирующему их неумному жизнелюбию финала.

Великий советский композитор, неоднократно вызываемый восторженной публикой, разделил с прославленным дирижером и превосходным оркестровым коллективом столь бурный успех, свидетелем которого редко бывает даже «видавший виды» Большой зал Московской консерватории.

Моцарт и Рихард Штраус — принцип сопоставления двух исторических эпох был выдержан и в программе третьего концерта. И снова изумительное чувство стиля, беспредельная власть над стихией музыки. И снова бурный восторг зала.

Дмитрий БЛАГОЙ.